

ПРОЦЕССЫ ДЕГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. В статье рассматривается наиболее дивергентная грамматическая категория — род имен существительных в вологодских говорах. Выявляются две противоположные тенденции: 1) процессы деграмматикализации категории рода имен существительных, а именно утрата облигатности их оформления по определенному роду, широко распространенная вариантность рода; 2) процессы вторичной грамматикализации категории рода имен существительных, усиление их морфологического маркирования по роду. Оба процесса взаимосвязаны между собой: деграмматикализация рода приводит к его вторичной грамматикализации в диалектном языке.

Ключевые слова: вологодские говоры, категория рода, процессы деграмматикализации и грамматикализации, слабые формативы, вторичная суффиксация.

Исторические процессы в русском языке привели к созданию различных типов словоформ и морфологических парадигм, соотносительных с одной морфологической категорией. Эта морфологическая политипологичность характерна для многих морфологических категорий русского языка, что создает размытость границ их формообразования¹. Особенно это свойственно народным говорам, совмещающим на одном синхронном срезе архаичные и новые языковые

¹Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987. 128 с.; Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации. Вологда: ВГПУ, 2010. 280 с.; Яцкевич Л. Г. Виды классификаций в морфологии и морфологическая систематика русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2010. № 5. С. 86–95.

формы, что приводит к формообразовательной дивергенции. Термин *дивергенция* < лат. *divergere* ‘отклоняться, расходиться’ является общенаучным и используется в различных отраслях знаний, в лингвистике он тоже употребляется неоднозначно. Мы используем этот термин для обозначения расхождения — разнообразия формообразовательных средств и способом структурного выражения одной и той же грамматической категории, одной и той же системы граммем и соотносительных с ними концептов². Если при функционально-семантическом подходе рассматривается семантическая дивергенция граммем, то при функционально-типологическом — формально-структурная дивергенция. Вместе с тем следует отметить, что причиной этого типа дивергенции являются как раз лексико-семантические и словообразовательные факторы, а также процессы грамматикализации и деграмматикализации словоформ. В статье рассматривается в этом аспекте наиболее дивергентная грамматическая категория — род имен существительных в вологодских говорах.

1. Процессы деграмматикализации категории рода. Исследователи уже обращали внимание на неустойчивость категории рода имен существительных в русских говорах³. Данная особенность диалектной речи формирует тенденцию к деморфологизации рода у множества диалектных слов. Далее описываются основные виды проявления этого процесса в вологодских говорах на материале «Словаря вологодских говоров» (СВГ) и Картотеки диалектных слов (КК), записанных автором статьи в д. Квасюнино и частично опубликованных.

1.1. Отсутствие облигаторности морфологического оформ-

²Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Указ. соч. С. 226–250.

³См. например.: *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного.* М.: Наука, 1964. 600 с.; *Кодесникова М. И.* Категория рода имен существительных в русских говорах Удмуртии / М. И. Кодесникова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 2. С. 28–31; *Худышкина А. Е.* Неустойчивость категории рода в камчатских говорах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 2.

ления по определенному роду неодушевленных имен существительных. Как известно, одним из главных свойств грамматических категорий является облиigatorность их выражения в структуре слова или в его синтаксических связях. В устной диалектной речи категория рода далеко не всегда обладает этим свойством обязательности, поскольку нередко наблюдается вариантность родовых форм у неодушевленных имен существительных.

1.1.1. Колебание родовых окончаний и типа склонения неодушевленных имен существительных. Все разнообразные случаи колебания грамматического оформления субстантивных лексем по роду, на наш взгляд, следует рассматривать в рамках тенденции к деграмматикализации категории рода у неодушевленных существительных в устной диалектной речи. Далее приводятся неодушевленные имена существительные, зафиксированные в «Словаре вологодских говоров», у которых наблюдается варьирование родовых окончаний и соответственно типа склонения: *берёста/бересто* и *бересто* ‘береста, верхний слой коры березы’; *веред/вереда* ‘нарыв, гнойник, фурункул’; *выгород/выгорода* ‘участок земли вокруг деревни, обнесенный изгородью’; *выряд/вырыда* ‘наряд, праздничная одежда’; *говор/говорь* (ж)/*говоря* ‘речь, разговор’; *дерно/дернь* (м) ‘дёрн’; *изгреб/изгреба/изгребь* (ж) ‘очёски льна после первого чесания, а также льнянаяпряжа очень низкого качества из очёсков’; *истопель* (ж)/*истопель* (м)/*истопень* (м)/*истоплѣ/истопло/истопля* ‘количество дров на одну топку печи; одна топка печи’; *кадрель* (ж)/*кадрель* (м)/*кадреля* ‘танец кадрили’; *клеп* (ж)/*клеп* ‘приспособление для ловли зверей, капкан’; *кужель* (м)/*кужеля* ‘волокно льна или шерсти, приготовленное для прядения’; *куколь* (ж)/*куколь* (м) ‘коробочки льна с семенами’; *кут/куть* (ж) ‘кухня в крестьянском доме’; *кареводья/кареводье* ‘происшествие, неожиданный случай’; *качильно/качильня* ‘гибкий шест, на котором подвешивается детская колыбель’; *киот, киёт/киота, кивота* и *киѣта* ‘рама или шкафчик для икон, киот’, ‘небольшая рама для обрамления чего-либо’; *клеп* (ж) и *клеп* ‘приспособление для ловли зверей, капкан’; *потолок* и *потылок/потолока* ‘чердак над жилой частью избы’; *скором/скорома* ‘молочная и мясная пища’ и др. слова. Во всех рассмотренных случаях

морфологические варианты слов не подверглись лексикализации и имеют тождественное лексическое значение.

1.1.2. Варьирование суффиксов у производных неодушевленных имен существительных, приводящее к варьированию родовых окончаний. Процесс деграмматикализации рода имен существительных особенно активно проявляется в варьировании суффиксов у производных неодушевленных имен существительных, что приводит к варьированию родовых окончаний: *боровуха/боровик* ‘гриб с темно-коричневой шляпкой и беловатой маслянистой толстой ножкой; белый гриб’; *вертушка/вертушок* ‘запор дверей, окон в виде вертящейся планки’; *волденец/волденица/волдоница/волденка* ‘гриб волнушка’; *вороток/воротушка* ‘верхняя часть (чаще из ситца, сатина, колленкора) женской рубашки (приблизительно до талии), к которой пришивается нижняя часть — стан, становина (обычно из холста)’; *вязанец/вязаница/вязанка* ‘укладка улежавшегося льна, состоящая из 15 снопов, три «бабки», связанных в большой сноп’; *капустник/капустница* ‘огороженный участок земли, где посажена капуста’; *каравашек* и *коровашек/каравашка* и *коровашка* ‘булка, хлебец из пшеничной муки’; *картожник/картовешник* и *картовошник/картовешница* и *картовошница* ‘ботва, стебли картофеля’; *квасник/квасница* и *квашница* ‘деревянная кадка для приготовления и хранения кваса, пива, киселя’; *квашонник*, *квашеник/квашонница* ‘холщовая покрывка для квашни’; *казачок/казачина* ‘холщовая покрывка для квашни’; *кубырь* — *кубышка* ‘прическа в виде закрученного сзади пучка волос’; *куманец/куманка* ‘красная смородина’; *кумелка/кумелья* ‘куча, грудка чего-либо’; *купалище, куплище/купальня/купанка* ‘удобное для купания место’; *колобок/колобушка* ‘выпечное изделие круглой формы’; *поставок/поставушка* ‘верхняя часть женской рубашки (чаще из ситца, колленкора и т. п.), обычно надеваемой под сарафан’; *посудник/посудница* ‘висячий открытый шкафчик для посуды в виде нескольких полок’; *похлебенье/охлебенька* ‘какое-либо жидкое кушанье; *преснец, пресник, пресняк/преснёнка, преснушка* ‘выпечное изделие из пресного теста в виде тонкой лепёшки с загнутыми краями с начинкой из картошки или крупы, реже тво-

рога'; *ремень, ремешок/ремёнка, ременница/ременье* 'ремень'; *резун, резунец/резунья* 'осока'; *разлев и разлёв, разлив, разлёвчик, разлевчик/разлёва, разлевка, разлёвочка, разливаха, разливашка, разливка* 'большой глиняный горшок для приготовления теста'. Приведенные выше (и многие другие) примеры грамматического варьирования диалектных неодушевленных существительных свидетельствуют **об утрате облигаторности их морфологического оформления по определенному роду**, а значит и о процессе деграмматикализации данной категории.

1.2. Сигнификативно слабые флексии одушевленных существительных. Сигнификативная значимость формативов в составе словоформ одушевленных имен существительных является неоднородной. Грамматические показатели формы рода могут быть как сигнификативно сильными, так и сигнификативно слабыми.

Формообразовательный анализ категории рода диалектных одушевленных имен существительных в данной работе основан на **теории сильных и слабых морфем**, разработанной автором этой статьи в ряде исследований⁴. Распределение грамматической информации о категории рода между внутренней и внешней грамматической оформленностью в различных структурных типах словоформ различно. Ср.: лит. *родная сестра* (ж.) и *родной дядя* (м.); вол. *родная мамца* 'мать' (ж.) и *родной тятя* 'отец' (м.), *прожора* (м. и ж.) (*На этого прожору еды не напасешься. Ой, Светка, в детстве прожора была и сейчас уплетает за обе щеки.* (СВГ 8: 81). В одних случаях грамматический род выражен во внутренней и во внешней оформленности словоформы существительного, а в других — только во внешней оформленности, синтагматически. Соответственно, следует разграничивать **сигнификативно сильные формативы** (в словах *сестра, мамца* флексия *-а*) и **слабые формативы** (в словах *дядя, тятя, прожора* флексия *-а/-я*) как разновидности сильных и слабых морфем. Сигнификативно сильные формативы определяют внутреннюю и внешнюю

⁴Яцкевич Л. Г. Морфемика русского языка. Вологда, 1993. 52 с.; Яцкевич Л. Г. Морфемика // Морфемика и словообразование русского языка. Учебное пособие. Вологда: «Русь», 2002, с. 8–71; Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами. Словарь. Вологда, 2006. 176 с.

грамматическую оформленность слова. А сигнификативно слабые формативы не выражают в полной мере или совсем не выражают грамматической информации, опустошаются, поэтому словоформы с такими слабыми формативами требуют, в качестве информационной компенсации, обязательной синтагматической грамматической оформленности. Так, в словах *дядя*, *тятя* грамматический род выражен только синтагматически: *родной дядя*, *родная мамлица*, *этого прожору*, *Светка прожора была*.

В связи с рассмотрением этого вопроса отметим, что для русского языка не характерна грамматическая типология, предложенная В. А. Плуногяном, согласно которой «языки с “сильными” морфемами нередко оказываются языками со “слабыми” словоформами», а языки с «сильными» словоформами имеют «слабые», т. е. плохо выделяемые морфемы⁵. Как уже отмечалось выше, в русском языке словоформы с сильными формативами так же являются сильными, как и словоформы со слабыми формативами. В силу преимущественно флективного строя русского языка сфера синтагматической компенсации охватывает весь состав словоформ, однако необходимая для словоформ со слабыми формативами, она кажется избыточной для словоформ с сильными формативами. Вместе с тем важно подчеркнуть, что количество словоформ со слабыми формативами в русском языке значительно⁶. Данные типы словоформ свидетельствуют о наличии в русском языке большого количества отклонений от аддитивной модели морфемной сегментации. В. А. Плуногян справедливо отмечает, что «в языках мира аддитивная модель отнюдь не является единственной и, может быть, даже не является явным образом преобладающей». Он, вслед за И. А. Мельчуком, рассматривает такие типы отклонений, как *кумуляция*, *идиоматичность* и *контекстная вариативность*⁷. Данная проблематика исследу-

⁵Плуногян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2003. — 384 с.

⁶Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикизации и грамматикизации. Вологда, 2010. С. 21–76.

⁷Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I (Введение; Часть первая: Слово). М. — Вена, 1997; Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II (Часть вторая; Морфологические значения). М. — Вена, 1998; Плуногян В. А. Общая

ется также и в работах зарубежных авторов⁸.

Итак, сигнификативно слабый форматив — это аффикс, не способный самостоятельно выражать в структуре слова граммему определенной грамматической категории, что приводит к процессу деграмматикализации этой категории.

Ниже рассматриваются основные типы сигнификативно слабых относительно категории рода формативов у одушевленных существительных в вологодских говорах.

1.2.1. Слабые флексии имен существительных общего рода. В словах общего рода флексия сама по себе не способна к выражению мужского, женского или среднего рода, и эти функции берет на себя грамматический контекст, главным образом синтаксические формы согласования по роду зависимых от существительного слов или формы координации по роду подлежащего или сказуемого: *Адина какой, всё съес, другому не оставит; Адина растёт Танька, у всех всё съес; Ой, тот парень ботень хорошей. Ну и ботень она, знай шлеется* (СВГ 1: 42); *Экая девка вислейка, не робит, а гулеть любит. Парень-от вислейка не робит, у матери денег просит* (СВГ 1: 72); *Да она такая бухало! Ничево сказать нельзя. Тут же обнародует; В кого он такой бухало? Матка с батькой вроде молчуны были? Сестра-то ево — такое бухало. Ничево и сказать при ней нельзя!* (КК). Наблюдения показывают, что существительные общего рода могут иметь не только окончания *-а/-я* (по широко распространенному мнению), но и *-о/-ё*, а также *нулевое окончание*. Ср.: *адина, адище* ‘ненасытный, прожорливый человек’; *байло, баранда, бахолка, болтуха, боркотушка, брякотушка, брякушка* ‘пустомеля, тот, кто любит говорить попусту’; *батылка, болтовня, ботень-□, валёк-□, валень-□, валявка, варляня, веретень-□, вислень-□, вислядка,*

морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2003. С. 37–80.

⁸*Baerman M., Brown D., Corbett G. G.* The syntax-morphology interface. A study of syncretism (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge, 2005; *Corbett G. G.* Canonical typology, suppletion and possible words // *Language*. V. 83. 2007. № 1; *Hippisley A., Chumakina M., Corbett G. G., Brown D.* Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems // *Studies in language*. V. 28. 2004. № 2.

вислядь-□, *висляйка* ‘бездельник, лентяй’. Все это создает дополнительные трудности при лексикографическом описании данного типа слов, особенно при выборе грамматической характеристики по роду. Поскольку эти флексии в данном случае являются сигнификативно слабыми морфемами, то, чтобы сделать объективный вывод, требуется дополнительное исследование синтагматических связей таких слов в тексте.

1.2.1.1. Одушевленные существительные общего рода со слабой флексией -а/-я. Если флексии -а/-я обычно являются сильным показателями грамматического женского рода (*стран-а, земл-я, сестра*), то в эмоционально-экспрессивных словах общего рода, способных обозначать в контексте лиц и мужского и женского пола, эти флексии, в силу несовместимости с лексической семантикой основы, утрачивают грамматическую функцию показателя женского рода и становятся слабыми морфемами: *каверза* ‘склонный к шалостям, озорству человек’ (*Экая девка каверза. Парень-от каверза растёт*); *истывота, каприза* ‘капризный ребенок’, *потёма* ‘нелюдимый, скрытный, угрюмый человек’ (СВГ). Если в литературном русском языке таких слов более двухсот⁹, то диалектные имена существительные общего рода — очень продуктивный класс слов, что, по мнению диалектологов, связано с их эмоционально-экспрессивной функцией в устной речи¹⁰. По данным «Словаря вологодских говоров» в 12 выпусках, эта же тенденция характерна и для вологодских говоров. Так, только в первом выпуске этого словаря было обнаружено более 40 существительных общего рода с флексией -а/-я, например: *баламыга* ‘бездельник, лентяй, праздничношающийся’; *безрозривица* ‘медлительный человек’; *безряха* ‘неряха’, *безумка* ‘человек, лишенный рассудка’; *безумница* ‘человек, поступающий безрассудно’; *вертёха, вертоха, ворохоба,*

⁹Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. Под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М.: Наука, 1976. — 455 с.

¹⁰Литвинникова О. И. Структурно-семантическая характеристика имен существительных общего рода в русской диалектной речи // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. научных трудов. Ч. 2. Отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2008. С. 236–241.

вертуха ‘шаловливый, озорной ребенок’; *божка* ‘крестный отец или крестная мать’; *бормота* ‘человек, который говорит невнятно’; *брезгуля* ‘брезгливый человек’; *буба* ‘толстый человек невысокого роста’; *верхошовина* ‘заносчивый, невежливый человек’ и др.

1.2.1.2. Одушевленное существительные со слабой флексией -о/-ё. Довольно большой пласт одушевленных имен существительных с флексией -о/-ё, являющихся эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека, имеет неустойчивый грамматический род, поэтому и в диалектных словарях снабжается противоречивыми грамматическими пометами. Так, с СВГ производные от глаголов слова с суффиксом -л-(о) в одних случаях отнесены к **среднему** роду (*бормотало* ‘человек, который говорит невнятно, бормочет’, *байло* ‘тот, кто любит говорить попусту, болтать вздор’, *гузало* ‘человек, который не держит своего слова’, *гукало* ‘грудной ребёнок’, *рыкало* ‘громко и неразборчиво говорящий человек’, *садило* ‘бойкий, шаловливый ребёнок’), а в других к **общему** роду: *крутило* ‘человек, быстро выполняющий какое-либо дело’ (*Круто работает, и будет крутило, хоть девушка, хоть парнёк, всё одно — крутило* (СВГ, вып. 4: 6)). Одушевленные существительные с суффиксом -к-(о) и другими производными от него суффиксами также испытывают колебание в роде. В СВГ к **среднему** роду отнесено, например, слово *рожёнка* ‘ласковое обращение к ребёнку’ (*Ой ты, моё рожёнка, давай руцьки-то вымоём в тазике*) и к **мужскому** роду — слова *радийко* ‘человек веселого нрава, весельчак’; *радко* ‘добрый, бесхитростный, простодушный человек’; *редкобайко* ‘молчаливый, неразговорчивый человек’; *сёдко* ‘седой человек’ и др. У существительных с основой на -тj-(е) род также определяется в СВГ не однозначно, например: **средний** у слова *скорлатье* ‘худой, тощий человек’ и **общий** род у слова *слепотье* ‘слепой человек’.

1.2.1.3. Одушевленные существительные со слабой нулевой флексией. В СВГ зафиксировано довольно много одушевленных существительных со слабой нулевой флексией, которые также являются эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека независимо от его пола и испытывают колебания в грамматическом роде. Так, например, к **мужскому**

роду отнесены в словаре слова *взятыйш*-□ ‘приемный ребенок’; *ботень*-□, *валень*-□, *веретень*-□, *вислеень*-□, ‘бездельник, лентяй’; *растрёныйш*-□ ‘неопрятный, растрепанный человек’ (*Куда побегла-то таким растрёнышем*); *рой*-□ ‘человек, хорошо собирающий грибы и ягоды’ (*Она рой эдакой, как пойдёт в лес, дак все грибы её*); *розночуй*-□ ‘плохо слышащий человек’. К **общему** роду отнесены, например, слова: *валёк*-□ и *вислядь*-□ ‘бездельник, лентяй’ (*Валёк какая, всё лежу сегодня. Валёк парень от растёт, не любит робить. Девка-то виследь выросла, не помогает мне*); *крутобай*-□ ‘человек, который быстро и часто говорит’; *скидох*-□ ‘легко возбудимый, вспыльчивый человек’ (*Ой и девка, такая скидох, вертогляд!*).

Таким образом, в вологодских говорах наблюдается тенденция к деморфологизации категории рода у одушевленных существительных, являющихся эмоционально-экспрессивными названиями-характеристиками человека независимо от его пола. Синтагматическое выражение грамматического рода у данного типа слов зависит от речевой ситуации и коммуникативных категорий высказывания¹¹.

Следует отметить, что процессы деграмматикализации категории рода имен существительных порождают, в свою очередь, противоположную тенденцию в русских говорах — процесс вторичной грамматикализации этой категории.

2. Процессы грамматикализации категории рода. Грамматикализации обычно рассматривается как формализация автономных лексических единиц и переход их в служебные слова (См. работы В. Г. Гака, М. М. Гухман, В. М. Жирмунского, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна, Е. А. Реферовской, Б. А. Серебренникова, В. Н. Ярцевой, и др.). Этот термин используется также при описании внутренней формы слов, исторически мотивированной той или иной ис-

¹¹Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования: функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). Минск, 1987; Лазарев В. А., Ласкова М. В. Категория рода личных имен существительных в коммуникативном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2008. № 1. Ч. 2. С. 57–61.

ходной словоформой¹². В отличие от грамматикализации *лексемы* и грамматикализации *внутренней формы* лексемы, которые исследуются в указанных работах, в данной статье под грамматикализацией понимается явление *морфологического усиления структуры слова* путем вторичного присоединения к нему сигнификативно сильного формата¹³. В частности, речь пойдет о распространенной в вологодских говорах вторичной суффиксации имен существительных, которая служит для усиления позиции граммы рода в их структуре. Вторичная суффиксация как эволюционный процесс ранее уже привлекала внимание исследователей¹⁴. Это явление в основном рассматривалось в аспекте исторического словообразования, в связи с проблемами морфемообразования или вопросами словообразовательной вариантности и синонимии. Однако вторичная суффиксация, как это будет показано ниже, имеет и грамматический аспект, поскольку обусловлена глубинным процессом грамматикализации структуры слов с целью формального выявления категориальных значений частей речи и грамматических значений отдельных морфологических категорий. Речь идет о присоединении к основе слова грамматически маркированных словообразовательных суффиксов, утративших в данной позиции свою исходную словообразовательную функцию.

Данный процесс стимулируется несколькими эволюционными причинами, которые будут рассмотрены далее на материале «Словаря вологодских говоров».

2.1. Еще в древнерусский период начала складываться тенденция, согласно которой род и тип склонения производных имен существительных предопределялись словообразовательными суффик-

¹²Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка. Нижний Новгород, 2009. 338 с.

¹³Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. . .

¹⁴Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительных и прилагательных / Под ред. В. В. Виноградова. — М., 1964. 682 с.; Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М, 1966. 160 с.; Граудина А. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Указ. соч.; Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 27–45; Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. . . С. 165–189.

сами, приобретающими в этот период продуктивность¹⁵. Можно предполагать, что усиление морфологической нагрузки суффиксов и привело к распространению в говорах вторичной суффиксации тех имен существительных, которые первоначально не имели в структуре основы морфологически маркированных по роду суффиксов. Далее рассмотрены основные типы вторичной суффиксации существительных.

Наиболее продуктивной является вторичная суффиксация с формативом **-к-(а)**, который присоединяется к бессуффиксным существительным женского рода: *беседа* → *беседка* ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’; *божата* → *божатка* ‘тетка, сестра отца или матери’; *борода* → *бородка* ‘окончание какой-либо сельскохозяйственной работы’; *боровуха* → *боровушка* ‘белый гриб’; *борозда* → *бороздка* ‘полоса, линия, отличающаяся от общего фона’ *бьяша* → *бьяшка* ‘овца’; *вехоть* → *вехотка* ‘тряпка для различных хозяйственных надобностей’; *вечёра* → *вечёрка* ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме, во время которого прядут, вяжут, поют песни и беседуют’; *выгорода* — *выгородка* ‘место для сенокоса, выгороженное среди пастбища’; *квашона* — *квашонка* ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста, квашня’; *кокова* — *коковка* ‘кончик носа’ и многие другие. Используются для вторичной суффиксации и другие менее продуктивные суффиксы **-иц(а)/-ниц(а)** (**голова* → *головица* ‘голова’; **борона* → *бороница* ‘борона’; *заспа* → *заспица* ‘общее название крупы’; **ведро* → *ведерница* ‘ведро’), **-от(а)** (*баса* → *басота* ‘красота’), **-еньк(а)/-яньк(а)** (*жица* → *жиценька* ‘шерстяная пряжа, нитка’; *слеза* → *слезянка*) и некоторые другие.

Обнаруживает продуктивность в указанной функции и суффикс **-ок**, который присоединяется к существительным мужского рода: *боров* → *боровок* ‘ряд, полоса посаженного картофеля’; *вал* → *валок* ‘ряд скошенной травы, лежащей вдоль прокоса’; *верх/и* → *вершок* ‘сливки’; *выруб* → *вырубок* ‘площадь, на которой про-

¹⁵Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 7–28.

изводилась рубка леса'; *гнёт* → *гнеток* 'жердь, которую кладут поверх воза для удержания уложенных на нем снопов'; *гребень* → *гребешок* 'расческа'; *гряддо* → *гряддок* 'группа плодов, развивающихся от одного корня'; *дрозд* → *дроздок* 'группа плодов, развивающихся от одного корня'; *зарод* → *зародок* 'большая укладка сена обычно продолговатой формы'; *заутор* → *зауторок* 'паз с внутренней стороны бочки, куда должно плотно входить дно'; *зуб* → *зубок* 'ткацк. крючок в бёрде, за который цеплялась нить'; *сузём* → *сузёмок* 'густой, дремучий, труднопроходимый лес'; *козёл* — *козелок* 'санки-ледянки в виде широкой доски, которая обливается водой и замораживается, и укрепленной на ней скамейки'. С целью вторичной грамматикализации мужского рода используются и другие, менее продуктивные суффиксы: **-ник-** (*вицелой* → *вицелойник* 'густой кустарник'; *загибеха* → *загибешник* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'; *заклад* → *закладник* 'основание сруба'; *залавок* → *залавочник* 'низкий кухонный стол'; *запечь* → *запечник* 'темное пространство между стеной и печью'; *заплот* → *заплотник* 'забор из жердей, вложенных в пазы вертикальных столбов), **-ек-** (*завёртыш* → *завёртышек* 'деревянный брусочек для запора дверей'; *загибыш* → *загибышек* 'пирог с начинкой, имеющий вид полукруга'), **-ец-** (*боркун* → *боркунец* 'бубенец'; *зуб* → *зубец* 'ткацк. крючок в бёрде, за который цеплялась нить'; *зыбун* → *зыбунец* 'трясина'; *суц* → *суцец* 'сушеная рыба').

К существительным среднего рода для акцентирования граммы рода вторичные суффиксы, по нашим данным, присоединяются очень редко, например: **-j(ё)** (**дело* → *дельё*); **-ц(е)** (*зено* → *зенце* 'глаз').

Подчеркнем, что во всех указанных случаях лексические значения производящего и производного слов являются тождественными. Таким образом, суффиксы в данных выше словах объективируют только грамматическое значение рода и словообразовательной функцией не обладают.

2.2. Более сложным является второй эволюционный процесс, когда при вторичной грамматикализации рода к бессуффиксным существительным присоединяется суффикс, словообразовательная

семантика которого по содержанию соотносительна с субкатегориальным значением исходного слова, например: а) ‘лицо’: *караул* — *караульник* ‘сторож’, *каталь* — *катальник*, *катальщик* ‘мастер по изготовлению валенок’, *кулес* → *кулесёнок* ‘ряженный в святки’, *привал* → *привалыш* ‘муж, принятый в семью жены’; б) ‘место’: **двор* → *дворище* ‘усадебный дом со всеми примыкающими строениями, угодьями’, *запечь* → *запечье* ‘темное пространство между стеной и печью’, *предбаня* → *предбанье* ‘предбанник’; в) ‘действие, событие’: *игра* → *игранье*, *игрище* ‘гуляние молодежи на улице с песнями, плясками, играми в праздничные дни’. Таким образом, эволюционный процесс направлен как на объективацию грамматического значения рода, так и на объективацию субкатегориального компонента лексического значения существительного.

2.3. В вологодских говорах, как и в других говорах и в разговорной речи, в гораздо большей степени по сравнению с литературным языком распространен процесс грамматикализации значения отношения к полу (ЗОП) у одушевленных существительных.

В результате в этих говорах формируются **родовые морфологические парадигмы** различной структуры, в которых морфологически противопоставлены названия живых существ мужского и женского пола. Далее представлены их основные типы, начиная с простой, двучленной, а затем многочленные парадигмы.

Двучленные парадигмы

Последовательная суффиксальная деривация: М → Ж: *бахвал* ‘лгун, обманщик’ → *бахвалка* ‘лгунья, сплетница’; *баюн* ‘разговорчивый, словоохотливый человек’ → *баюнья* ‘разговорчивая, словоохотливая женщина’; *бобыль* ‘ленивый человек’ → *бобылка* ‘ленивая женщина’; *богач* → *богачиха* ‘богатая женщина’; *гнус* ‘человек который говорит в нос, гнусавет’ → *гнуся* ‘гнусовая женщина’; *казак* ‘батрак’ → *казачиха* ‘наемная работница в крестьянском хозяйстве’; *кувай* ‘глухонемой мужчина’ → *кувайка* ‘глухонемая женщина’; *ласкобай* ‘приветливый, обходительный человек’ → *ласкобайка* ‘приветливая, обходительная женщина’; *пошехон* ‘человек, который берется за многое, занимаясь всем по-

верхностно, не вникая в суть дела, не доводя его до конца; верхогляд' → *пошехонка* 'женщина, непоседливая, беспокойная, берущаяся за многие дела'; *гусь* → *гусиха* 'гусыня'; *слямун* 'медлительный, спокойный, тихий человек' → *слямунья* 'медлительная, спокойная, тихая женщина'; *ругач* 'мужчина, который много и часто ругает кого-нибудь, бранится' → *ругачка* 'женщина, которая много и часто ругает кого-нибудь, бранится'; *рябок* 'тетерев' → *рябчиха* 'самка тетерева'; *рябок* 'рябчик' → *рябушка* 'самка рябчика'; *свербень* 'непоседа' → *свербёшка* 'бойкая, очень подвижная девочка'.

Альтернатива суффиксов: М/Ж: *большак* 'старший сын' — *большуха* 'старшая дочь'; *глуханушко* 'глухой человек' — *глухоменья* 'глухая женщина'; *говорок* 'человек, любящий поговорить' — *говоруха* 'женщина, любящая поговорить'; *гуляк* 'женях' — *гуляна* 'невеста'; *искипильник* 'охотно и много работающий, трудолюбивый человек' — *искипильница* 'работящая, трудолюбивая женщина'; *кареводник* 'человек, склонный к предосудительному времяпрепровождению' — *кареводница* 'женщина, склонная к предосудительному времяпрепровождению'; *келейщик* 'верующий человек, самостоятельно отправляющий религиозный культ при отсутствии священнослужителей' — *келейщица* 'верующая женщина, самостоятельно отправляющая религиозный культ при отсутствии священнослужителей'; *киновщик* 'киномеханик' — *киношница* 'женщина-киномеханик'; *потаковщик* 'человек, который потакает кому-либо в чем-либо' — *потаковщица* 'женщина, которая потакает кому-либо в чем-либо'; *похабка* 'женщина, которая постоянно ругается, любит ругаться' — *похабник* 'мужчина, который постоянно ругается'; *почетник* и *почётник* 'друг', 'парень, который ухаживает за девушкой, поклонник' — *почетница* и *почётница* 'подруга', 'девушка, за которой ухаживает парень, открыто проявляя к ней любовь, симпатию'; *правленик* 'человек, умеющий вправлять вывихнутые кости; костоправ' — *правельщица* 'женщина, умеющая вправлять вывихнутые кости или правильно расположить переломанные; костоправ'; *пригожунчик* 'пригожий, красивый человек' — *пригожанка* 'пригожая, красивая девушка'; *годовик* 'годовалое животное, особь мужского пола' — *годовушка*

‘годовалое животное, особь женского пола’.

Трехчленные парадигмы смешанного типа

$M^1 \rightarrow M^2$ (вторичной суффиксации) \rightarrow **Ж**: *прохир* \rightarrow *прохирей* ‘мошенник, обманщик’ \rightarrow *прохирейка* ‘мошеница, обманщица’;

$M^1 \rightarrow M^2$ (вторичная суффиксация), $M^1 \rightarrow$ **Ж**: *лешак* \rightarrow *лешачина* ‘в суеверных представлениях — дух леса, его хозяин; леший’, *лешак* \rightarrow *лешачиха* ‘в суеверных представлениях — лесной дух в образе женщины; жена лешего’;

$M^1/M^2/$ **Ж**: *свадебник/свадеблянин* ‘каждый, кто приглашен на свадьбу, участник свадьбы’ — *свадебница* ‘женщина, которая ведет свадебное торжество’;

М \rightarrow **Ж**¹/**Ж**²/**Ж**³/**Ж**⁴ \rightarrow **Ж**⁵: *свёкор* \rightarrow *свекорка, свекриха, свекруха, свекрова* \rightarrow *свекровка* ‘свекровь’;

Ж¹ \rightarrow **М**¹ \rightarrow **М**², **М**¹ \rightarrow **Ж**², **Ж**¹ \rightarrow **общий род (М³/Ж³)**: *божа* ‘крестная мать’ \rightarrow *божат* \rightarrow *божатко* ‘крестный отец’, *божат* ‘крестный отец’ \rightarrow *божатка* ‘крестная мать’, *божа* ‘крестная мать’ \rightarrow *божка* ‘крестный отец или крестная мать’;

$M^1 \rightarrow M^2/M^3 \rightarrow$ **Ж**¹, $M^1 \rightarrow$ **Ж**²: *сват* \rightarrow *сватовщик/сватун* ‘человек, который по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, сват’ \rightarrow *сватунья* ‘женщина, сватающая невесту жениху или жениха невесте, сваха’, *сват* ‘человек, который по поручению жениха или его родителей сватает ему невесту, сват’ \rightarrow *сватуха* ‘женщина, сватающая невесту жениху или жениха невесте, сваха’.

3. Можно сделать следующие выводы. Если в современном литературном языке наблюдается развитие аналитизма в системе выражения грамматической категории рода имен существительных, в частности, отмечается увеличение количества общих названий для лиц обоего пола по профессии и роду занятий (типа *инженер, директор*) и несклоняемых заимствованных имен существительных и аббревиатур (типа *такси, СНГ*), у которых род выражается только синтагматически, то в вологодских говорах наблюдается иная типологическая тенденция: распространяются процессы усиления

морфологического маркирования по роду диалектных имен существительных. С этой тенденцией связаны: а) часто встречающееся в говорах присоединение к непроизводным существительным грамматически значимого по отношению к роду суффикса, б) вторичная суффиксация существительных с помощью грамматически более яркого суффикса, в) суффиксальная объективация субкатегориальных значений субстантивов и закрепление их за определенным грамматическим родом, г) активное формирование морфологических парадигм различной структуры, в которых одушевленные существительные морфологически противопоставлены по значению отношения к полу.

Рассмотренный диалектный материал позволяет предположить, что в вологодских говорах действуют две противоположные тенденции: 1) процессы деграмматикализации категории рода имен существительных, а именно утрата облигаторности их оформления по определенному роду, широко распространенная вариантность рода; 2) процессы вторичной грамматикализации категории рода имен существительных, усиление их морфологического маркирования по роду. Оба процесса взаимосвязаны: деграмматикализация рода приводит к его вторичной грамматикализации в диалектном языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. /Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007.

КК — Картотека диалектных слов деревни Квасюнино Шекснинского р-на Вологодской области. См.: Слово о родной деревне. Автор-составитель — Л. Г. Яцкевич (Калачева). Вологда, 2011. С. 97–153.